

ИЗЪ БУМАГЪ НИКОЛАЯ СОЛОМОНОВИЧА МАРТЫНОВА.

А. Отрывки его автобіографическихъ записокъ *).

I.

Пароходъ «Быстрый».

Прошло двадцать восемь лѣтъ со времени моей дуэли съ Лермонтовымъ, болѣе четверти вѣка! Напечатано было объ ней весьма мало: нѣсколько отрывочныхъ статей въ періодическихъ изданіяхъ и текстъ самаго дѣла по официальнымъ документамъ съ резолюціей Императора въ «Собраніи замѣчательнѣйшихъ уголовныхъ процессовъ въ Россіи».

На дняхъ появились въ печати, въ «Вѣстникѣ Европы» 1869 г., записки г-жи Хвостовой, въ которыхъ много говорится объ Лермонтовѣ. По поводу этихъ записокъ, издатель въ особомъ примѣчаніи, упоминая объ нѣкоемъ Мартыновѣ, «который, говорятъ, еще живъ», весьма грубо и безцеремонно приглашаетъ его къ покаянію посредствомъ искренняго разсказа о своихъ отношеніяхъ къ Лермонтову, за что обѣщаетъ ему отчасти отпустить его вину. Понятно, что на подобное приглашеніе отвѣта послѣдовать не можетъ. Но эта замѣтка, вмѣстѣ съ тѣмъ, по тону ея озлобленія, навела меня на мысль, что со смертію моею, по всей вѣроятности, явится въ печати и не одна статья въ обвиненіе мое, въ укоръ памяти моей. Чтобы дать возможность дѣтямъ моимъ защитить память отца отъ незаслуженнаго укора, я рѣшаюсь составить эти записки. Къ нимъ будутъ приложены подлинныя документы слѣдственной комиссіи, потомъ суда и, наконецъ, вся подспудная переписка съ секундантами, которая свѣта никогда не видала, но способна сама пролить немалый свѣтъ на темныя стороны этой дуэли. Оговариваюсь въ одномъ: если кто можетъ заподозрить искренность моего разсказа, тотъ пусть лучше закроетъ тетрадь съ первой страницы.

Имѣя въ рукахъ моихъ документы, могущіе совершенно меня оправдать, я молчаніемъ, въ теченіе двадцати восьми лѣтъ, кажется,

*) Печатаются съ подлинниковъ. П. Б.

достаточно доказалъ, какъ мало ищу оправдаться, какъ мало дорожу общественнымъ мнѣніемъ, органомъ котораго служили періодическіе журналы. Поездка моя въ Самару, гдѣ, между дѣломъ, я буду имѣть много свободнаго времени, дастъ мнѣ возможность сладить съ этимъ трудомъ.

Съ чего начать? Вѣроятно, читателю будетъ небезъинтересно познакомиться съ характеромъ Лермонтова, какъ я понималъ его, прослѣдить первоначальныя наши сношенія съ нимъ. Обѣщаю ему говорить какъ можно меньше о себѣ и рассказать все то, что только припомню объ особенностяхъ характера Лермонтова.

Въ 18 г. *) поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гусары, въ эскадронъ гвардейскихъ юнкеровъ, М. Ю. Лермонтовъ. Наружность его была весьма невзрачна²⁾; маленькій ростомъ, кривоногій, съ большой головой, съ непомѣрно-широкимъ туловищемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма ловкій въ физическихъ упражненіяхъ и съ сильно развитыми мышцами. Лицо его было довольно пріятное. Обыкновенное выраженіе глазъ въ покоѣ нѣсколько томное; но какъ скоро онъ воодушевлялся какими-нибудь проказами или школьникствомъ, глаза эти начинали бѣгать съ такой быстротой, что одни бѣлки оставались на мѣстѣ, зрачки же передвигались справа налево, и эта безостановочная работа съ одного человека на другаго производилась иногда по нѣсколькимъ минутъ сряду. Ничего подобнаго я у другихъ людей не видалъ. Свои глаза устануть гоняться за его взглядомъ, который ни на секунду не останавливался ни на одномъ предметѣ. Чтобы дать хотя приблизительное понятіе объ общемъ впечатлѣніи этого неудовимаго взгляда, сравнить его можно только съ механикой на картинахъ волшебнаго фонаря, гдѣ такимъ образомъ передвигаются глаза у звѣрей. Волосы у него были темныя, но довольно рѣдкіе, съ свѣтлой прядью немного повыше лба, виски и лобъ весьма открытые, зубы превосходные—бѣлыя и ровныя, какъ жемчугъ. Какъ я уже говорилъ, онъ былъ ловокъ въ физическихъ упражненіяхъ, крѣпко сидѣлъ на лошади; но, какъ въ наше время преимущественно обращали вниманіе на посадку, а онъ былъ сложенъ дурно, не могъ быть красивъ на лошади: поэтому онъ никогда за хорошаго ѣздока въ школы не слылъ, и на ординарцы его не посылали. Если я вхожу въ эти подробности, то единственно потому, чтобы объяснить, какъ смотрѣло на него наше ближайшее начальство,

*) Такъ въ подлинной рукописи. Лермонтовъ поступилъ на службу въ лейбъ-гусарскій полкъ 22 Ноября 1834 года. П. Б.

2) Н. С. Мартыновъ, напротивъ, былъ высокаго роста и даже въ старости красивъ собою. Онъ былъ на два года моложе Лермонтова. П. Б.

то есть эскадронный командиръ. Къ числу физическихъ упражненій слѣдуетъ также отнести маршировку, танцы и фехтованіе (гимнастикѣ у насъ тогда не учили). По пѣшему фронту Лермонтовъ былъ очень плохъ: тѣже причины, какъ и въ конномъ строю, но еще усугубленныя, потому что пѣшкомъ его фигура еще менѣе выносила критику. Эскадронный командиръ сильно нападалъ на него за пѣшій фронтъ, хотя онъ тутъ ни въ чемъ виноватъ не былъ.

Странное обстоятельство, которое я припоминаю только теперь.

По Пятницамъ у насъ учили фехтованію; классъ этотъ былъ обязательнымъ для всѣхъ юнкеровъ, и оставалось на выборъ каждому рапира или эспадронъ. Сколько я ни пробовалъ драться на рапирахъ, никакого толку изъ этого не выходило, потому что я былъ чрезвычайно щекотливъ, и въ то время, какъ противникъ меня колеть, я хохочу и держусь за животъ. Я гораздо охотнѣе дрался на сабляхъ. Въ числѣ моихъ товарищей только двое умѣли и любили также, какъ я, это занятіе: то были Гр. *) гусарь Моллеръ и Лермонтовъ. Въ каждую Пятницу мы сходились на ратоборство, и эти полутеатральныя представленія привлекали много публики изъ товарищей, потому что борьба на эспадронахъ всегда оживленнѣе, красивѣе и занимательнѣе непримѣтныхъ для глазъ эволюцій рапиры. Танцевалъ онъ ловко и хорошо.

Умственное развитіе его было на столько выше другихъ товарищей, что и параллели между ними провести невозможно. Онъ поступилъ въ Школу уже человѣкомъ, много читалъ, много передумалъ; тогда какъ другіе еще вглядывались въ жизнь, онъ уже изучилъ ее со всѣхъ сторонъ. Годами онъ былъ не старше другихъ, но опытомъ и возрѣніемъ на людей далеко оставлялъ ихъ за собой. Въ числѣ товарищей его былъ Василій Вонярярскій, человѣкъ тоже пожившій, окончившій курсъ въ университетѣ и потомъ не знаю, вслѣдствіи какихъ обстоятельствъ добровольно промѣнявшій полнѣйшую свободу на затворническую жизнь въ Юнкерской Школѣ. Въ эпоху, мною описываемую, ему было уже 22 года. Эти два человѣка, какъ и должно было ожидать, сблизились. Въ рекреационное время ихъ всегда можно было застать вмѣстѣ. Лярскій, лѣнивѣйшее созданіе въ цѣломъ мірѣ (какъ герой «Женитьбы» у Гоголя) большую часть дня лежалъ съ растегнутой курткой на кровати. Онъ лежалъ бы и раздѣтый, но дисциплина этого не позволяла.

*) Т. е. Гродненскій гусарь. П. Б.

Изъ наукъ Лермонтовъ съ особеннымъ рвеніемъ занимался Русской словесностью и исторіей. Вообще онъ имѣлъ способности весьма хорошія, но съ любовію онъ относился только къ этимъ двумъ предметамъ. Курсъ въ Юнкерской Школѣ для полученія офицерскаго званія былъ положенъ двухлѣтній, но врядъ ли изъ этихъ двухъ лѣтъ ему довелось провести съ нами полныхъ шесть мѣсяцевъ. Объясню сейчасъ какимъ образомъ.

У Лермонтова была бабушка (кажется, ее звали Арсеньевой). Для этой женщины была одна цѣль въ жизни: сдѣлать счастье и по возможности успокоить дорогаго внука своего, Мшеньку. У каждаго изъ насъ были родители или родственники; всѣ они болѣе или менѣе, нужно предполагать, были люди добрые, или, по крайней мѣрѣ, сколько отъ нихъ зависило, желали намъ добра; каждый изъ нихъ, въ свою очередь, старался быть полезнымъ своему домочадцу. Съ этой цѣлью, бывало, фельдмаршалъ Вптгенштейнъ пріѣдетъ въ Юнкерскую Школу и велитъ вызвать къ себѣ Ал. Барятинскаго. Все начальство поднимется на ноги, бѣготня страшная; результатомъ же этого всего выходитъ въ родѣ правоученія для начальника Школы: ты, дескать, не забывай, что я состою въ родствѣ съ Барятинскимъ. Такимъ образомъ къ намъ ѣздили безпрестанно и Перовскій, и графъ Апраксинъ, и Канкринъ, и сотни другихъ важныхъ лицъ, которыхъ я и именъ теперь вспомнить не могу. Даже мелкіе плебеи, подобныя мнѣ, и тѣ удостоивались по временамъ визитовъ своихъ высокнихъ покровителей. Такимъ образомъ для меня съ братомъ пріѣзжали нѣсколько разъ въ школу комендантъ Мартыновъ и старикъ Депперадовичъ; послѣдній очень былъ друженъ съ моимъ отцемъ и по этой причинѣ требовалъ, наступя на горло, отъ нашего начальства всякихъ льготъ въ нашу пользу. Всѣ эти одиночныя попытки оставались безъ всякаго успѣха. Не въ похвалу будь сказано нашему начальнику: потому что не чувство справедливости руководило имъ въ этомъ случаѣ, а ненависть ко всему, что по воспитанію и по положенію въ свѣтѣ стояло выше его...

II.

Моя исповѣдь ¹⁾.

15 Іюля 1871 года, село Знаменское ²⁾.

Сегодня минуло ровно тридцать лѣтъ, какъ я стрѣлялся съ Лермонтовымъ на дуэли. Трудно повѣрить! Тридцать лѣтъ—это почти цѣ-

¹⁾ Написано черезъ два года послѣ напечатаннаго выше. П. Б.

²⁾ Подъ Москвою, гдѣ обыкновенно проводилъ лѣтніе мѣсяцы Н. С. Мартыновъ. П. Б.

лая жизнь человѣческая, а мнѣ памяты малѣйшія подробности этого дня, какъ будто происшествіе случилось только вчера. Углубляясь въ себя, переносясь мысленно за тридцать лѣтъ назадъ и помня, что я стою теперь на краю могилы, что жизнь моя окончена и остатокъ дней моихъ сочтенъ, я чувствую желаніе высказаться, потребность облегчить свою совѣсть откровеннымъ признаніемъ самыхъ завѣтныхъ помысловъ моихъ и движеній сердца по поводу этого несчастнаго событія. Для полнаго уясненія дѣла, мнѣ требуется сдѣлать маленькое отступление: представить личность Лермонтова такъ, какъ я понималъ его, со всеми его недостатками, а равно и съ добрыми качествами, которыя онъ имѣлъ.

Не стану говорить объ его умѣ: эта сторона его личности виѣ вопроса. Все одинаково сознають, что онъ былъ очень уменъ, а многіе видятъ въ немъ даже гениальнаго человѣка. Какъ писатель, дѣйствительно, онъ весьма высоко стоитъ, и, если сообразить, что талантъ его еще не успѣлъ прійти къ полному развитію, если вспомнить, какъ онъ былъ еще молодъ и какъ мало окружающая его обстановка способствовала къ серьезнымъ занятіямъ, то становится едва понятнымъ, какъ онъ могъ достигнуть тѣхъ блестящихъ результатовъ, при столь маломъ трудѣ и въ такихъ раннихъ годахъ. Перейдемъ къ его характеру. Безпристрастно говоря, я полагаю, что онъ былъ добрый человѣкъ отъ природы; но свѣтъ его окончательно испортилъ. Бывъ съ нимъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ, я имѣлъ случай неоднократно замѣчать, что все хорошія движенія сердца, всякій порывъ нѣжнаго чувства онъ старался также тщательцо въ себѣ заглушать и скрывать отъ другихъ, какъ другіе стараются скрывать свои гнусные пороки. Приведу въ примѣръ его отношенія къ женщинамъ. Онъ считалъ постыднымъ признаться, что любилъ какую-нибудь женщину, что привосилъ какія нибудь жертвы для этой любви, что сохранилъ уваженіе къ любимой женщинѣ: въ его глазахъ все это было романтизмъ, напускная экзальтація, которая не выдерживаетъ ни малѣйшаго анализа.

Я сталъ знать Лермонтова съ Юнкерской Школы, куда мы поступили почти въ одно время. Предъидущая его жизнь мнѣ была все неизвѣстна, и только изъ печатныхъ о немъ біографій узналъ я, что онъ воспитывался прежде въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ; но, припоминая теперь личность, характеръ, привычки этого человѣка, мнѣ многое становится понятнымъ нынче изъ того, что прежде я никакъ не могъ себѣ уяснить.

По существовавшему положенію, въ Юнкерскую Школу поступали молодые люди не моложе 16 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ и въ большей части случаевъ прямо изъ дому. Исключенія бывали, но рѣдко. По крайней мѣрѣ, сколько я помню, большинство юнкеровъ не воспитывались прежде въ другихъ заведеніяхъ. По этой причинѣ школьничество и дѣтскія шалости не могли быть въ большомъ ходу между нами. У насъ держали себя болѣе серьезно. Молодые люди въ семнадцать лѣтъ и старше этого возраста, поступая въ юнкера, уже понимали, что они не дѣти. Въ свободное отъ занятій время составлялись кружки; предметомъ обыкновенныхъ разговоровъ бывали различные кутежи, женщины, служба, свѣтская жизнь. Все это, положимъ, было очень не зрѣло; сужденія всѣ отличались увлеченіемъ, порывами, недостаткомъ опытности; не менѣе того, уже зародыши тѣхъ страстей, которыя присущи были отдѣльнымъ личностямъ, проявлялись и тутъ и наглядно показывали склонности молодыхъ людей. Лермонтовъ, поступивъ въ Юнкерскую Школу, остался школяромъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ общественныхъ заведеніяхъ для дѣтей существуетъ почти вездѣ обычай подвергать различнымъ испытаніямъ или, лучше сказать, истязаніямъ вновь поступающихъ новичковъ. Объяснить себѣ этотъ обычай можно развѣ только тѣмъ, какъ весьма остроумно сказано въ концѣ повѣсти Пушкина «Пиковая дама», что Лизавета Ивановна, вышедъ за мужъ, тоже взяла себѣ воспитанницу; другими словами, что всѣ страданія, которыя вынесли новички въ свое время, они желаютъ выместить на новичкахъ, которые ихъ замѣняютъ. Въ Юнкерской Школѣ эти испытанія ограничивались однимъ: новичку не дозволялось въ первый годъ поступленія курить, ибо взысканія за употребленіе этого зелья были весьма строгіи, и отвѣчали вмѣстѣ съ виноватыми и начальники ихъ, т. е. отдѣленные унтеръ-офицеры и вахмистры. Понятно, что эти господа не желали подвергать себя отвѣтственности за людей, которыхъ вовсе не знали и которые ничѣмъ еще не заслужили имя хорошихъ товарищей. Тѣмъ и ограничивалась разница въ социальномъ положеніи юнкеровъ; но Лермонтовъ, какъ истый школьникъ, не довольствовался этимъ, любилъ помучить ихъ способами болѣе чувствительными и выходящими изъ ряда обыкновенно налагаемыхъ испытаній. Продѣлки эти производились обыкновенно ночью. Легко-кавалерійская камера была отдѣльная комната, въ которой мы, кирасиры, не спали (у насъ были свои двѣ комнаты), а потому, какъ онъ распорядился съ новичками легко-кавалеристами, мнѣ неизвѣстно; но расскажу одинъ случай, который происходилъ у меня на глазахъ, въ нашей камерѣ, съ двумя вновь поступившими юнкерами въ кавалергарды. Это были Эмануиль Нарышкинъ (сынъ извѣстной красавицы Марьи Антоновны) и Уваровъ.

Оба были воспитаны за границей; Нарышкинъ по-русски почти вовсе не умѣлъ говорить, Уваровъ тоже весьма плохо изъяснялся. Нарышкина Лермонтовъ прозвалъ Французомъ и не давалъ ему житья; Уварову также была дана какая-то особенная кличка, которой не припомню. Какъ скоро наступало время ложиться спать, Лермонтовъ собиралъ товарищей въ свой номеръ; одинъ на другаго садились верхомъ; сидящій кавалеристъ покрывалъ и себя, и лошадь свою простыней, а въ рукѣ каждый всадникъ держалъ по стакану воды (эту конницу Лермонтовъ называлъ «Нумидійскимъ эскадрономъ»). Выжидали время, когда обреченныя жертвы заснутъ; по данному сигналу эскадронъ трогался съ мѣста въ глубокой тишинѣ, окружалъ постель несчастнаго и, внезапно сорвавъ съ него одѣяло, каждый выливалъ на него свой стаканъ воды. Вслѣдъ за этимъ дѣйствіемъ кавалерія трогалась съ правой ноги въ галонъ обратно въ свою камеру. Можно себя представить испугъ и непріятное положеніе страдальца, вымоченнаго съ головы...

III.

Экспедиція дѣйствующаго Кавказскаго отряда за Кубанью въ 1837 году, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова.

Въ 1837 году я отправился волонтеромъ на Кавказъ *) отъ Кавалергардскаго полка, для принятія участія въ экспедиціи противу горцевъ. Въ то время существовало слѣдующее положеніе: по волю Государя Императора, обнародованной въ войскахъ, ежегодно откомандировывалось по одному оберъ-офицеру отъ каждаго гвардейскаго полка или отдѣльной части по роду оружія, какъ то: артиллеріи, піонеровъ и саперъ, въ распоряженіе начальника Кавказскаго корпуса, съ тѣмъ, чтобы онъ, по своему усмотрѣнію, назначалъ прибывшихъ къ нему офицеровъ въ различныя отряды, дѣйствующіе противу непріятеля. Изъ арміи тоже отправлялись офицеры на Кавказъ, насколько мнѣ помнится, не по одному отъ каждаго полка, а по одному отъ дивизіи; посылались у нихъ также и штабъ-офицеры; на какихъ основаніяхъ сіи послѣдніе имѣли право участія, мнѣ неизвѣстно. Откомандировка эта продолжалась ровно годъ; по истеченіи этого времени тѣ, которые

*) Въ этомъ 1837-мъ году Лермонтовъ тоже находился на Кавказѣ, переведенный въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Онъ принималъ участіе въ дѣлахъ противу горцевъ, и къ этому именно времени относится ниже изложенная исторія съ распечатаннымъ письмомъ сестеръ Мартынова. Напомнимъ читателю, что 1837 годъ ознаменованъ для Кавказа посѣщеніемъ императора Николая. II. Б.

уцѣлѣли, возвращались въ полки. Я забылъ сказать, что назначеніе офицеровъ отъ полковъ происходило двоякимъ образомъ: или по собственному желанію, заявленному заранѣе, или по жребію. Тамъ, гдѣ желающихъ не оказывалось, метали жребій, и кто изъ офицеровъ вынулъ изъ урны свернутую бумажку съ надписью «Кавказъ», тотъ и отправлялся туда пожинать лавры.

Невыносима тяжела была въ то время служба въ гвардіи: не ученья, не смотры, не караулы допекали насъ, а какой-то нравственный гнетъ тяготѣлъ надъ нами. Даже частная жизнь офицеровъ не была освобождена отъ всесторонняго вмѣшательства начальствующихъ, и дисциплинарныя наказанія прилагались нерѣдко тамъ, гдѣ трудно было пріискать даже малѣйшій поводъ къ обвиненію въ проступкѣ. Кто повѣритъ, напримѣръ, что нашъ полкъ подвергся гоненіямъ въ теченіи многихъ мѣсяцевъ за то, что офицеры охотно посѣщали домъ графини Самойловой, которая въ то время была въ немилости?

При подобной обстановкѣ, если добавить къ этому еще рассказы товарищей, возвращавшихся изъ экспедиціи, о привольной Кавказской жизни, о боевыхъ приключеніяхъ, о красотѣ тамошней природы, о миловидности Черкешенокъ и Гребенскихъ казачекъ, становится понятнымъ каждому, почему вся тогдашняя молодежь стремилась на Кавказъ. Это была настоящая эмиграція. По выраженію одного изъ офицеровъ нашего полка, Карла Ламберта, въ ту эпоху существовали только двѣ дороги въ Россіи: первая—доступная единственно для весьма немногихъ привилегированныхъ лицъ, шла изъ Петербурга въ Парижъ; вторая, открытая для всѣхъ остальныхъ смертныхъ, вела на Кавказъ. И укатали же эту дорожку до такой степени, что весьма часто случалось офицерамъ, ѣдущимъ по казенной надобности, сидѣть по трое сутокъ на станціи въ ожиданіи лошадей.

Въ Москвѣ я остановился недѣли на двѣ. Все мое семейство жило тамъ постоянно; но въ этотъ годъ и оно поднималось на Кавказъ. Отецъ былъ боленъ, и доктора предписали ему лѣченіе Кавказскими минеральными водами. Сестры мои въ то время еще были очень молоды и не принимали участія въ свѣтскихъ удовольствіяхъ; но для меня Московская жизнь была настоящимъ раемъ. Балы смѣнялись пикниками, загородными прогулками и разнаго рода увеселеніями, болѣе приличными веснѣ, которая въ тотъ годъ была великолѣпная. Военныя власти насъ не тревожили. Московскій комендантъ генералъ Сталь былъ добрый-

шій старикъ и самый снисходительный начальникъ. Онъ вообще весьма рѣдко выѣзжалъ, но, когда случалось хорошая погода выгонитъ его изъ дому, и онъ отправится пѣшкомъ погулять въ Кремлевскомъ саду, любопытно было видѣть, какія сцены тутъ разыгрывались: нечаянно натолкнется онъ на офицера, который просрочилъ свой отпускъ и давно понуждался имъ къ выѣзду изъ Москвы; комендантъ ударится отъ него въ сторону и пойдетъ по боковой аллеѣ, чтобы сдѣлать видъ, что его не замѣтилъ; а тамъ, какъ нарочно, на встрѣчу ему попадется другой офицеръ, или не въ формѣ, или рапортующійся больнымъ. Старикъ ужъ не знаетъ, куда ему и дѣться и, если тутъ не поспѣетъ кто-либо посторонній на помощь не офицеру, а ему, то иногда случалось, что онъ вынуждался отправить провинившагося подъ арестъ.

Въ Москвѣ въ то время было очень много хорошенькихъ женщинъ. Одна изъ нихъ, графиня Зубова, урожденная княжна Оболенская, дочь князя Александра Петровича, мнѣ сдѣлала разъ на балу довольно оригинальный вопросъ:

— Какъ же это вы ѣдете на Кавказъ, на войну, гдѣ васъ могутъ убить; а между тѣмъ я съ вами встрѣчаюсь всякій день на вечерахъ, и вы веселитесь, какъ будто ни въ чемъ не бывало?

— Что же бы вы хотѣли, что бы я дѣлалъ, графиня?

— Не знаю; но, если бы я была на вашемъ мѣстѣ, то уже навѣрное съ самаго отъѣзда все бы плакала.

Вотъ наивный, чисто-дѣтскій отвѣтъ, обрисовывающій вполнѣ женственную натуру этого милаго и привлекательнаго существа.

Въ эту самую эпоху проѣзжалъ черезъ Москву Лермонтовъ. Онъ былъ переведенъ изъ гвардіи въ Нижегородскій драгунскій полкъ тѣмъ же чиномъ за стихи, написанные имъ на смерть Пушкина. Мы встрѣчались съ нимъ почти всякій день, часто завтракали вмѣстѣ у Яра; но въ свѣтъ онъ мало показывался. Въ концѣ Апрѣля я выѣхалъ въ Ставрополь.

Не стану описывать своихъ путевыхъ впечатлѣній. Дорога эта, богѣе или менѣе всѣмъ извѣстная, проходитъ черезъ мѣста, весьма мало замѣчательныя; да при томъ же я нигдѣ и не останавливался, ибо торопился какъ можно скорѣе прибыть въ дѣйствующій отрядъ. Можно сказать, что отъ Москвы и вплоть до Ставрополя тишь и гладь невоз-

мутимья! Только за чертой этого города начинается собственно Кавказская линия и обрисовывается мѣстная природа и своеобразная жизнь линейныхъ казаковъ, содержащихъ кордоны.

Отецъ мой былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ А. П. Ермоловымъ, а потому онъ просилъ сего послѣдняго, еще до пріѣзда моего, снабдить меня рекомендательнымъ письмомъ къ бывшему начальнику его штаба Алексѣю Александровичу Вельяминову. Рекомендательныя письма уже въ наше время были не въ модѣ; молодые люди избѣгали этого способа заискиванія у новыхъ начальниковъ и, разумѣется, не охотно принимали подобныя письма. Но со старыми людьми ничего не подѣлаешь: у нихъ свой взглядъ на вещи, и разувѣрить ихъ нѣтъ никакой возможности. Дѣлать было нечего, я покорился волѣ отца и поѣхалъ рано утромъ къ Алексѣю Петровичу. Онъ жилъ тогда на какомъ-то бульварѣ; какъ теперь помню, деревянный одноэтажный домикъ съ мезониномъ. Въ этомъ то мезонинѣ онъ принялъ меня; это былъ его рабочій кабинетъ. Большое Венеціанское окно выходило на улицу; перпендикулярно къ нему стоялъ письменный столъ. По одну сторону стола сидѣлъ Алексѣй Петровичъ, по другую—какой-то генералъ въ сертукѣ и въ эполетахъ, который писалъ подъ его диктовку. Когда обо мнѣ доложили, Алексѣй Петровичъ привсталъ со своего мѣста и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ мнѣ на встрѣчу. Онъ очень обладалъ меня, посадилъ, спрашивалъ о здоровьѣ отца и вообще былъ какъ нельзя болѣе любезенъ. Я видалъ его и прежде, а потому для меня знакомство съ нимъ не было новымъ; но меня давила мысль, что я пріѣхалъ за рекомендательнымъ письмомъ, и чрезъ это самое мнѣ на душѣ становилось весьма неловко. Чтобы выйти разомъ изъ затруднительнаго положенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, намекнуть Ермолову, что я не солидаренъ съ просьбою отца, я выговорилъ почти не переводя духа: Ваше высокопревосходительство, я на дняхъ отправляюсь на Кавказъ и пріѣхалъ спросить, не угодно ли вамъ будетъ мнѣ дать какое либо порученіе къ Алексѣю Александровичу? Подвижная физиономія Ермолова, какъ мнѣ показалось, выразила нѣкоторое удивленіе или недоумѣніе отъ моего вопроса; но это была одна секунда. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ мнѣ:—Какъ не быть порученій? Мы съ Вельяминовымъ старинные пріатели; слава Богу, есть о чемъ потолковать. Я съ вами отправлю къ нему тяжеловѣсное письмо. Когда вы ѣдете? Я назначилъ день.—Хорошо, я пришлю его къ вамъ на домъ.

Цѣль моя была достигнута: рекомендація являлась на второмъ планѣ, если ей суждено еще пробиться на свѣтъ Божій; но главное мѣсто, во всякомъ случаѣ, принадлежало уже личной перепискѣ...

Б. БУМАГИ О ПОЕДИНКѢ МАРТЫНОВА СЪ ЛЕРМОНТОВЫМЪ *).**I.****Вопросные пункты Слѣдственной Коммиссіи Н. С. Мартынову и его отвѣты.**

Господину отставному маіору и кавалеру Мартынову, слѣдователей, подполковника Унтилова, дворянскаго засѣдателя Черепанова, квартальнаго надзирателя Марушевскаго, исправляющаго должность стряпчаго Ольшанскаго и находящагося при слѣдствіи корпуса жандармовъ подполковника Кушинникова.

По предписанію Пятигорскаго коменданта и окружнаго начальника господина полковника и кавалера Ильишпенкова, отъ 16-го сего Іюля (1841) № 1351, производится нами изслѣдованіе о происшедшей 15-го числа дуэли, на которой вы убили изъ пистолета Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручика Лермонтова. Покорнѣйше просимъ ваше высокоблагородіе увѣдомить насъ на семь же.

Указъ объ отставкѣ и всѣ документы о вашей службѣ, равно и патенты на чины, не оставьте препроводить къ намъ для приобщенія оныхъ къ производимому дѣлу.

Плацъ-маіоръ подполковникъ Унтиловъ.

Квартальный надзиратель Марушевскій.

Исправляющій должность окружнаго стряпчаго Ольшанской.

Корпуса жандармовъ подполковникъ Кушинниковъ.

№ 5. 17 Іюля 1841 г., г. Пятигорскъ.

На сей запросъ господъ слѣдователей имѣю честь объяснить, какъ было дѣло.

I. На этой дуэли дѣйствительно ли находились за секундантовъ лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ Глѣбовъ и служащій во II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи титулярный совѣтникъ князь Васильчиковъ?

I. Дѣйствительно находились за секундантовъ—у меня корнетъ Глѣбовъ, а у поручика Лермонтова титулярный совѣтникъ князь Васильчиковъ.

*) Заглавія сдѣланы нами; а все дальнѣйшее, равно какъ и напечатанные ниже вопросы пункты Окружнаго Суда съ отвѣтами на нихъ, писано Н. С. Мартыновымъ своевручно, въ то время, какъ онъ находился въ Пятигорской тюрьмѣ. При составленіи своихъ отвѣтовъ онъ, какъ видно ниже, совѣтовался съ обоими секундантами. П. Б.

II. На эту дуэль изъ чьей квартиры, или изъ какого мѣста и въ какое время выѣхали? Кромѣ васъ гг. двухъ дуэлистовъ и двухъ секундантовъ, Глѣбова и князя Васильчикова, не выѣзжали ли еще кто изъ постороннихъ особъ для зрѣлища, или, по крайней мѣрѣ, не были ли кто извѣстны объ этой произойти могущей дуэли?

II. Условлено было между нами сойтись на мѣсто къ 6 1/2 часамъ пополудни. Я выѣхалъ немного ранѣе изъ своей квартиры верхомъ; бѣговья дрожки свои далъ Глѣбову. Васильчиковъ и Лермонтовъ догнали меня уже на дорогѣ; послѣдніе два были также верхомъ. Кромѣ секундантовъ и насъ двоихъ, никого не было на мѣстѣ дуэли, и никто рѣшительно не зналъ объ ней.

III. Вы и поручикъ Лермонтовъ (нынѣ убитый) въ какомъ именно мѣстѣ подлѣ горы Машухи, въ какомъ часу, на какомъ разстояніи между собою стрѣлялись? Какое было между вами условіе, т. е. обоимъ ли вмѣстѣ, по данному знаку, стрѣлять, или одинъ послѣ другаго? Поручикъ Лермонтовъ выстрѣлилъ ли изъ своего пистолета или нѣтъ и по какой причинѣ?

III. Мы стрѣлялись по лѣвой сторонѣ горы, по дорогѣ, ведущей въ какую-то колонку ¹⁾, вблизи частаго кустарника. Былъ отмѣренъ барьеръ въ 15 шаговъ, и отъ него въ каждую сторону еще по десяти. Мы стали на крайнихъ точкахъ. По условію дуэли, каждый изъ насъ имѣлъ право стрѣлять, когда ему вздумается, стоя на мѣстѣ или подходя къ барьеру. Я первый пришелъ на барьеръ, ждалъ нѣсколько времени выстрѣла Лермонтова, потомъ спустилъ курокъ ²⁾.

IV. Къ мѣсту происшедшей дуэли на чемъ всѣ вы поѣхали, на дрожкахъ ли, или на верховыхъ лошадяхъ? Кто были при первыхъ кучера, или при послѣднихъ проводники для держанія лошадей?

IV. Какъ уже было сказано выше, я, Лермонтовъ и Васильчиковъ ѣхали верхомъ на назначенное мѣсто, Глѣбовъ на бѣговыхъ дрожкахъ. Проводниковъ у насъ не было. Лошадей мы сами привязали къ кустарникамъ, а дрожки поставили въ высокую траву по правой сторонѣ дороги.

¹⁾ Одна изъ Нѣмецкихъ колоній, поселенныхъ подъ Пятигорскомъ. II В.

²⁾ Отвѣты Мартынова вчернѣ сохранились еще на отдѣльныхъ трехъ листкахъ. Тамъ этотъ третій отвѣтъ изложенъ такъ: „Условія дуэли были 1-е. Каждый вмѣстѣ право стрѣлять когда ему угодно, стоя на мѣстѣ или подходя къ барьеру. 2-е. Осѣчки должны были считаться за выстрѣлы. 3-е. Послѣ перваго промаха противникъ имѣлъ право вызвать выстрѣлившаго на барьеръ. 4-е. Болѣе трехъ выстрѣловъ не было допущено по условію. Я сдѣлалъ первый выстрѣлъ съ барьера“.

V. Какіе именно люди находятся у васъ для прислуги?

V. Для прислуги у меня находятся: камердинеръ мой Илья, поваръ Иванъ и казачекъ Ермошка (всѣ трое мои крѣпостные).

VI. Какая причина была поводомъ къ этой дуэли? Не происходило ли между вами и покойнымъ Лермонтовымъ ссоры или вражды? Съ какого времени она возникла?

VI. Съ самаго пріѣзда своего въ Пятигорскъ, Лермонтовъ не пропускалъ ни одного случая, гдѣ бы могъ онъ сказать мнѣ что-нибудь непріятное. Остроты, колкости, насмѣшки на мой счетъ, однимъ словомъ все, чѣмъ только можно досадить человѣку, не касаясь до его чести. Я показывалъ ему, какъ умѣлъ, что не намѣренъ служить мнѣшню для его ума; но онъ дѣлалъ, какъ будто не замѣчаетъ, какъ я принимаю его шутки. Недѣли три тому назадъ, во время его болѣзни, я говорилъ съ нимъ объ этомъ откровенно, просилъ его перестать и, хотя онъ не общалъ мнѣ ничего, отшучиваясь и предлагая мнѣ, въ свою очередь, смѣяться надъ нимъ, но дѣйствительно пересталъ на нѣсколько дней. Потомъ взялся опять за прежнее. На вечерѣ въ одномъ частномъ домѣ, за два дня до дуэли, онъ вывелъ меня изъ терцінія, привязываясь къ каждому моему слову, на каждомъ шагу показывая явное желаніе мнѣ досадить. Я рѣшился положить этому конецъ. При выходѣ изъ этого дома, я удержалъ его за руку, чтобы онъ шелъ рядомъ со мной; остальные всѣ уже были впереди. Тутъ я сказалъ ему, что прежде я просилъ его прекратить эти несносныя для меня шутки; но что теперь предупреждаю, что если бы онъ еще вздумалъ выбрать меня предметомъ для своей остроты, то я заставлю его перестать. Онъ не давалъ мнѣ кончить и повторялъ нѣсколько разъ сряду, что ему тонъ моей проповѣди не нравится, что я не могу запретить ему говорить про меня то, что онъ хочетъ, и въ довершеніе прибавилъ: «Вмѣсто пустыхъ угрозъ, ты гораздо бы лучше сдѣлалъ, если бы дѣйствовалъ. Ты знаешь, что я никогда не отказываюсь отъ дуэлей; слѣдовательно, ты никого этимъ не испугаешь.» Въ это время мы подошли къ его дому. Я сказалъ ему, что въ такомъ случаѣ пришло къ нему моего секунданта, и возвратился къ себѣ. Раздѣваясь, я велѣлъ человѣку попросить ко мнѣ Глѣбова, когда онъ придетъ домой. Черезъ четверть часа пошелъ ко мнѣ въ комнату Глѣбовъ. Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, просилъ его быть моимъ секундantomъ и, по полученіи отъ него согласія, сказалъ ему, чтобы онъ на другой же день, съ разсвѣтомъ, отправился къ Лермонтову. Глѣбовъ попробовалъ было меня уговаривать; но я рѣшительно объявилъ ему, что онъ изъ словъ самого же Лермонтова увидитъ, что въ сущности не я его вызываю, но меня вызы-

вають, и что потому мнѣ невозможно сдѣлать первому шагъ къ примиренію.

VII. Тѣло убитаго поручика Лермонтова, по чьему приказанію и въ какое время послѣ происшествія, привезено съ мѣста случившейся дуэли на его квартиру? Кто именно изъ людей ѣздили за тѣломъ?

VII. Мнѣ неизвѣстно, въ какое время взято тѣло убитаго поручика Лермонтова. Простившись съ нимъ, я тотчасъ же возвратился домой и послалъ человѣка за своей черкеской, которая осталась на мѣстѣ происшествія, чтобы явиться въ ней къ коменданту¹⁾. Объ остальномъ же и до сихъ поръ ничего не знаю²⁾.

VIII. Кто изъ васъ прежде сдѣлалъ вызовъ на дуэль? Гг. секунданты, Глѣбовъ и князь Васильчиковъ, употребляли ли средства къ примиренію васъ, ссорящихся, и кто изъ васъ не склонился на миролюбіе?

VIII³⁾. Я первый вызвалъ его. На другой день описаннаго мною происшествія, Глѣбовъ и Васильчиковъ пришли ко мнѣ и всѣми силами старались меня уговорить, чтобы я взялъ назадъ свой вызовъ. Увѣрившись, что они все это говорятъ отъ себя, но что со стороны Лермонтова нѣтъ даже и тѣни сожалѣнія о случившемся, я сказалъ имъ, что не могу этого сдѣлать, что мнѣ на другой же день пришлось

¹⁾ На листкѣ особо написано Мартыновымъ: „Мнѣ еще не высланы изъ полка указы объ отставкѣ и прочіе документы о моей службѣ; патентъ же на производство въ офицеры и грамоту на орденъ Св. Анны 3-й степени съ бантомъ при семь имѣю честь препроводить“.

²⁾ Въ черновой рукописи зачеркнуто: „Простившись съ нимъ, я тотчасъ уѣхалъ домой и, уже нѣсколько времени спустя, послалъ своего человѣка Илью въ помощь другимъ и велѣлъ ему также привезти мою черкеску“.

³⁾ Въ другой черновой рукописи написано и перечеркнуто вмѣсто этого VIII-го отвѣта нижеслѣдующее:

Въ слѣдствіе этихъ словъ Лермонтова: „Вмѣсто пустыхъ угрозъ“ и проч., которыя уже были нѣкоторымъ образомъ вызовъ, я на другой день требовалъ отъ него формальнаго удовлетворенія. Васильчиковъ и Глѣбовъ старались всѣми силами помирить меня съ нимъ; но такъ какъ они не могли сказать мнѣ ничего отъ его имени, а только хотѣли (съ боку приписано: „а только хотѣли провѣрить меня“) уговорить меня взять назадъ мой вызовъ, я не могъ на это согласиться. Я отвѣчалъ имъ, что я уже сдѣлалъ шагъ къ сохраненію мира, прося его оставить свои шутки и что онъ пренебрегъ этимъ, и что сверхъ того теперь уже было поздно, когда самъ онъ надумилъ меня въ томъ, что мнѣ нужно было дѣлать. Въ особенности я сильно упирался на совѣтъ, который онъ мнѣ далъ наканунѣ, и доказывалъ имъ, что этотъ совѣтъ былъ не что иное, какъ вызовъ. Послѣ еще нѣсколькихъ попытокъ съ ихъ стороны, они убѣдились, что уговорить меня взять назадъ вызовъ есть дѣло невозможное“.

бы съ нимъ пойти на то же. Они настаивали, напоминали мнѣ прежнія мои отношенія, говорили о веселой жизни, которая съ нимъ ожидаетъ насъ въ Кисловодскѣ, и что все это будетъ разстроено глупой исторіей. Чтобы выйти изъ непріятнаго положенія человѣка, который мѣшаетъ веселиться другимъ, я сказалъ имъ, чтобы они сдѣлали воззваніе къ самимъ себѣ: поступили бы они иначе, на моемъ мѣстѣ? Послѣ этого меня уже никто больше не уговаривалъ.

II.

Записка Глѣбова и князя Васильчикова къ Мартынову въ тюрьму ¹⁾.

Посылаемъ тебѣ брѹлонъ 8-й статьи; ты къ нему можешь прибавить по своему разумѣнію, но это сущность нашего отвѣта. Прочіе отвѣты твои совершенно согласуются съ нашими, исключая того, что Васильчиковъ поѣхалъ верхомъ на своей лошади, а не на дрожкахъ бѣговыхъ со мной; ты такъ и скажи. Лермонтовъ же поѣхалъ на моей лошади—такъ мы и пишемъ. Сегодня Трескинъ еще разъ говорилъ, чтобы мы писали, что до насъ относится четырехъ, двухъ секундантовъ и двухъ дуэлистовъ. Признаться тебѣ, твое письмо нѣсколько было намъ непріятно. Я и Васильчиковъ не только по обязанности защищаемъ тебя вездѣ и всѣмъ, но и потому, что не видимъ ничего дурнаго съ твоей стороны въ дѣлѣ Лермонтова и приписываемъ этотъ выстрѣлъ несчастному случаю (всѣ это знаютъ, судьба такъ хотѣла, тѣмъ болѣе, что ты въ третій разъ въ жизни своей стрѣлялъ изъ пистолета; второй, когда у тебя пистолеты рвало въ рукѣ, и этотъ третій), и всѣмъ не тому, чтобы ты хотѣлъ пролить кровь, въ доказательство чего приводимъ то, что ты самъ не походилъ на себя, бросился къ Лермонтову въ ту секунду, какъ онъ упалъ, и простился съ нимъ. Что же касается до правды, то мы отклоняемся только въ отношеніи къ Т. и С., которыхъ имена не должны быть упомянуты ни въ какомъ случаѣ ²⁾. Надѣмся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всѣми средствами уговаривали. Придя на барьеръ, ты напиши, что ждалъ выстрѣла Лермонтова.

¹⁾ Эта записка, писанная на четырехъ клочкахъ рукою Глѣбова, была уже помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ» 1885 (I, 463), но безъ конца.

²⁾ Т. е. къ князю Сергію Васильевичу Трубецкому и Алексѣю Аркадіевичу Столыпину. Противъ нихъ обоихъ самъ Государь Николай Павловичъ имѣлъ личное неудовольствіе, и потому товарищи оберегали ихъ. Про князя Трубецкаго, какъ и про двоюроднаго брата его графа Самойлова, знаменитыхъ и высокодаровитыхъ проказниковъ, кто-то сказалъ, что это были Алкиады, только безъ государственныхъ подвиговъ. Говорятъ, что М. П. Глѣбовъ впоследствии также убитъ на поединкѣ П. Б.

Скажи, что мы тебя уговаривали съ начала до конца, что ты не соглашался, говоря, что ты Л. предупреждалъ тому три недѣли, чтобъ тотъ не шутилъ на твой счетъ. О веселостяхъ Кисловодска писать нечего. Я долженъ же сказать, что уговаривалъ тебя на условіи болѣе легкія, если будетъ запросъ. Теперь покамѣстъ не упоминай о условіи 3 выстрѣловъ; если же позже будетъ о томъ именно запросъ, тогда дѣлать нечего: надо будетъ сказать всю правду.

Отвѣтъ на 8 статью. Вслѣдствіе словъ Лермонтова (см. вопросъ 6): «вмѣсто пустыхъ угрозъ и пр.», которые были уже нѣкоторымъ образомъ вызовъ, я на другой день требовалъ отъ него формальнаго удовлетворенія. Васильчиковъ и Глѣбовъ старались меня (Мартынова) примирить съ Лермонтовымъ; но я отвѣчалъ, что: 1) предупреждалъ Лермонтова не смѣяться надо мною, 2) что слова Лермонтова уже были вызовъ (особенно настаивай на эти слова Лермонтова, которыя въ самомъ дѣлѣ тебя ставили въ необходимость его вызвать, или лучше сказать, были уже вызовъ).

Вотъ вкратцѣ брুলонъ, обдѣлай по этому плану.

Отвѣтъ на 4 вопросъ. Глѣбовъ на бѣговыхъ дрожкахъ, Васильчиковъ верхомъ.

Въ 6 вопросъ: вмѣсто «въ домѣ Верзилиныхъ» напиши «въ одномъ частномъ домѣ».

III.

Записка Мартынова къ Глѣбову (изъ тюрьмы).

Меня стануть судить гражданскимъ судомъ; мнѣ совѣтуютъ просить военнаго. Говорятъ, что если здѣсь и откажутъ, то я имѣю право подать объ этомъ просьбу на Высочайшее имя. Узнай отъ Столыпина, какъ онъ сдѣлалъ? Его, кажется, судили военнымъ судомъ. Комендантъ былъ у меня сегодня; очень милъ, предлагалъ перемѣнить тюрьму, продолжать лѣченіе, впускать ко мнѣ всѣхъ знакомыхъ и проч. А бестія стряпчій пыталъ меня, не проболтаюсь ли. Когда увижу тебя, расскажу въ чемъ. Н. М.

IV.

Отвѣтъ Глѣбова Мартынову.

Непремѣнно и непремѣнно требуй военнаго суда. Гражданскимъ тебя замучаютъ. Полицмейстеръ на тебя золь, и ты будешь у него въ лапкахъ. Проси коменданта, чтобы онъ передалъ твое письмо Трескину, въ которомъ проси, чтобы судили тебя военнымъ судомъ. Столыпинъ судился военнымъ судомъ; его теперь нѣтъ дома, а какъ пріѣдетъ, напишетъ тебѣ все обстоятельно. Комендантъ, кажется, рѣшается перевести тебя изъ тюрьмы. Глѣбовъ.

V.

Письмо А. А. Столыпина въ Мартынову въ тюрьму.

Я не былъ судимъ; но есть параграфъ Свода Законовъ, который гласить, что всякій штатскій соучастникъ въ дѣлѣ съ военнымъ долженъ быть судимъ по военнымъ законамъ, и я совѣтую это сдѣлать, такъ какъ законы для военныхъ болѣе опредѣленны, да и кончатъ въ десять разъ скорѣе. Не думаю, чтобы нужно было обращаться къ Трескину; обратись прямо къ коменданту. Прощай. Что же касается до того, чтобы тебѣ выходить, не совѣтую. Дай утихнуть шуму.

А. Столыпинъ.

VI.

Письмо Мартынова къ Глѣбову.

Пятигорскъ, 8-го Августа 1841 года.

Сейчасъ отправляю письмо къ графу Бенкендорфу. Вѣроятно тебѣ интересно будетъ знать его содержаніе; вотъ оно.

«Сіятедьнѣйшій графъ, милостивый государь. Вѣдственная исторія моя съ Лермонтовымъ заставляеть меня утруждать васъ всеокорѣйшею просьбою. По этому дѣлу я преданъ теперь гражданскому суду. Служивши постоянно до сихъ поръ въ военной службѣ, я свыкъ съ ходомъ дѣлъ военныхъ вѣдомствъ и властей и потому за счастье почелъ бы быть судимымъ военными законами. Не оставьте, в. с., просьбу мою благосклоннымъ вниманіемъ. Я льщу себя надеждою на милостивое ходатайство ваше тѣмъ болѣе, что сентенція военнаго суда можетъ заставить мнѣ въ будущемъ возможность искупить проступокъ мой собственной кровью на службѣ Царя и Отечества».

Скажи ты мнѣ, не находишь ли чего лишняго. Письмо это сочинилъ Діомидъ Пассекъ ¹⁾. Я никогда подобныхъ писемъ не писалъ ни къ кому и потому не надѣялся на себя, чтобы не сдѣлать какого-нибудь важнаго промаха. Можешь прочесть его моимъ ²⁾; не вижу причины скрывать отъ нихъ просьбы моей, тѣмъ болѣе, что исполненіе ея истинно составило бы счастье мое въ теперешнемъ положеніи. Чего я могу ожидать отъ гражданскаго суда? Путешествія въ холодныя страны? Вещь совсѣмъ не привлекательная. Южный климатъ гораздо полезнѣе для моего здоровья, а дѣятельная жизнь заставитъ меня забыть то, что во всякомъ другомъ мѣстѣ было бы нестерпимо моему раздражительному характеру. Скажи имъ еще отъ меня, что нынче не успѣлъ къ нимъ писать. Легъ въ 3 часа утра, а всталъ въ семь: былъ занятъ дѣломъ, для меня очень важнымъ. Съ будущей почтой онѣ получатъ отъ меня съ избыткомъ за то.

Н. М.

¹⁾ Позднѣ герой Кавказа. П. Б.

²⁾ Вѣроятно, родные Мартынова пріѣхали тогда къ заточенному въ тюрьмѣ Н. С. Мартынову; Глѣбовъ же пользовался уже свободою. П. Б.

VII

Вопросные пункты отъ Пятигорскаго Окружнаго Суда отставному маіору Николаю Мартынову, по дѣлу о произведенной имъ дуэли съ поручикомъ Лермонтовымъ, на которой Лермонтовъ убитъ, данные 13 Сентября 1841 года *).

По сему имѣете на семь объяснить самую сущую правду, не примѣшивая ничего къ дѣлу неподходящаго, и отвѣтъ представить въ судъ въ узаконенный срокъ. Въ должности окружнаго судьи Папыринъ. Засѣдатель Лаппа-Данилевскій. Въ должности секретаря Ольшанской.

I. Какъ васъ звать и прозываютъ, чей сынъ, гдѣ родились и сколько имѣете отъ роду лѣтъ?

I. Имя мое Николай Соломоновъ сынъ Мартыновъ, родился въ Нижнемъ-Новгородѣ, имѣю отъ роду двадцать пять лѣтъ.

II. Какого вѣроисповѣданія, бываете ли на исповѣди и у святаго причастія, изъ какого званія приходите, холосты или женаты, на комъ, и имѣете ли дѣтей, какого пола и какихъ лѣтъ?

II. Вѣроисповѣданія Греко-россійскаго, на исповѣди и у святаго причастія бываю, происхожу отъ дворянской фамиліи, женатъ никогда не былъ.

III. Знаете ли вы законы Божіе и законы Всеавгустѣйшаго Монарха и исполняете ли въ точности оныя?

III. Законъ Божій и законы Всеавгустѣйшаго Монарха знаю и исполнялъ до сихъ поръ въ точности.

IV. Съ котораго года поступили на службу, какія имѣете отличія и высочайшія за нихъ награды и съ котораго времени въ отставкѣ?

IV. Поступилъ на дѣйствительную службу въ 1832 году, изъ знаковъ отличія имѣю орденъ св. Анны 3 степени съ бантомъ, въ отставкѣ нахожусь съ Марта мѣсяца нынѣшняго года.

V. Къ дополненію объясненія вашего, даннаго слѣдователямъ по сему дѣлу, нужно имѣть отъ вашего высокоблагородія свѣдѣніе въ слѣдующемъ. Въ какое именно время прибыли вы въ городъ Пятигорскъ и для какой надобности?

V. Я прибылъ въ городъ Пятигорскъ въ концѣ Апрѣля мѣсяца для пользованія водами.

*) Т. е. безъ двухъ дней черезъ два мѣсяца послѣ поединка. П. Б.

VI. По прїѣздѣ вашемъ въ Пятигорскъ, у кого изъ жителей остановились на квартирѣ, одинъ или съ кѣмъ, и чѣмъ занимались?

VI. По прїѣздѣ моемъ въ Пятигорскъ я остановился въ здѣшней рестораціи и тщательно занялся гдѣченіемъ.

VII. Съ котораго времени вы имѣли съ Лермонтовымъ знакомство и въ какомъ отношеніи, дружескомъ ли или политичномъ, и какой былъ данъ вами поводъ Лермонтову дѣлать вамъ колкости и остроты (какъ безъ того не могло бы это отъ него произойти), въ чемъ заключались наносимыя вамъ Лермонтовымъ таковыя обиды, не относились ли его слова болѣе къ дружеской шуткѣ, или же къ оскорбленію чести вашей, и какія были принимаемы съ вашей стороны мѣры къ отклоненію непріятностей допрежде сего происшествія и при комъ?

VII. Я былъ знакомъ съ Лермонтовымъ съ самаго вступленія моего въ Юнкерскую Школу. Отношенія наши были довольно короткія. Поводомъ же къ его остротамъ на мой счетъ, вѣроятно, было ничто иное, какъ желаніе поострить; по крайней мѣрѣ, я другихъ причинъ не знаю. Но, какъ въ подобномъ расположеніи духа человѣкъ легко увлекается и незамѣтно переходитъ отъ неумѣстной шутки къ язвительной насмѣшкѣ, и такъ далѣе: то я былъ принужденъ нѣсколько разъ останавливать его и напоминать, что всему есть мѣра. Хотя подобныя шутки нельзя назвать дружескими, потому что онѣ всегда обидны для самолюбія, но я подтверждаю еще разъ то, что выражено мною въ отвѣтѣ на 6 пунктъ слѣдственнаго дѣла, а именно: что честь моя была затронута не насмѣшками его, но рѣшительнымъ отказомъ прекратить ихъ и совѣтомъ прибѣгнуть къ увѣщаніямъ другаго рода; что, вступая съ нимъ въ объясненіе, я и въ виду не имѣлъ вызывать его на дуэль, но что послѣ подобной выходки съ его стороны, по понятіямъ, съ которыми мы какъ будто сроднились, мнѣ уже не оставалось другаго средства окончить съ честью это дѣло: я почелъ бы себя обезчещеннымъ, если бы не принялъ его совѣта и не истребовалъ у него удовлетворенія. Въ томъ же пунктѣ объясняется мной, какимъ образомъ, еще въ началѣ, я хотѣлъ отвратить дальнѣйшія непріятности, что и было извѣстно гг. секундантамъ.

VIII. Не заносили ли вы на Лермонтова за оскорбленія васъ колкостями мѣстному начальству жалобы, кому именно и какія были онымъ приняты къ удержанію его, Лермонтова, средства; если же не обнаруживали поступковъ Лермонтова, то что вамъ въ томъ служило препятствіемъ, или имѣли намѣреніе допрежде сего случая вызвать его на поединокъ, и не было ли къ тому другихъ, кромѣ остроты и колкости, побудительныхъ причинъ?

VIII. На сей пунктъ имѣю сказать одно въ свое оправданіе. Злобы къ нему я никогда не питалъ, слѣдовательно мнѣ не зачѣмъ было имѣть предлогъ съ нимъ поссориться и, въ доказательство, что поединокъ этотъ былъ совершенно случайный, привожу неоднократный отзывъ мой гг. секундантамъ, въ чемъ именно почиталъ себя обиженнымъ и по какимъ причинамъ не могъ самъ сдѣлать перваго шага къ примиренію.

IX. Когда вы посылали отъ себя приглашеннаго вами секундантомъ корнета Глѣбова къ Лермонтову съ вызовомъ его на дуэль, то каковъ получили отвѣтъ Лермонтова, не говорилъ ли онъ чего относящагося къ миролюбію, или продолжалъ тѣ колкости, кои васъ оскорбляли, съ согласіемъ на вашъ вызовъ, и въ чемъ заключались мѣры секундантовъ гг. Васильчикова и Глѣбова къ примиренію васъ съ Лермонтовымъ?

X. Не знаю, продолжалъ ли онъ свои болкости во время вызова, только мнѣ Глѣбовъ ничего объ нихъ не говорилъ. Переданный мнѣ отвѣтъ состоялъ въ простомъ согласіи, безъ всякихъ миролюбивыхъ предложеній. Васильчиковъ и Глѣбовъ напоминали мнѣ прежнія мои отношенія съ нимъ и тѣсную связь, которая до сего времени существовала между нами, желая кончить это дѣло дружжелюбно *).

XI. Когда назначено вами было время дуэли съ Лермонтовымъ и, прибывши на мѣсто разстояніемъ отъ города Пятигорска въ 4-хъ верстахъ, вами ли былъ размѣренъ барьеръ, или же секундантами, и по вашему ли обоимъ съ Лермонтовымъ согласію было назначено это разстояніе для выстрѣла? Чьи были пистолеты и заряды, и сами ли вы заряжали оные, или кто другой? Не замѣтили ли вы у Лермонтовскаго пистолета осѣчки, или онъ выжидалъ вами произведеннаго выстрѣла, и не было ли употреблено съ вашей стороны, или секундантовъ, намѣренія къ лишенію жизни Лермонтова и противныхъ общей вашей цѣли мѣръ?

XII. По нашему обоюдному согласію былъ назначенъ барьеръ въ 15 шаговъ. Хотя и было положено между нами считать осѣчку за выстрѣлъ, но у его пистолета осѣчки не было. Остальное же все было

*) Покойный П. С. Мартыновъ передавалъ, что не задолго до поединка Лермонтовъ почевалъ у него въ квартирѣ, былъ добръ, ласковъ и говорилъ ему, что пріѣхалъ отвести съ нимъ душу послѣ пустой жизни, кака вела въ Пятигорскѣ. Тутъ же Лермонтовъ много рисовалъ. По словамъ Мартынова талантъ къ живописи былъ у него необыкновенный. П. С. Мартыновъ получилъ прекрасное образованіе, былъ человекъ весьма начитанный и, какъ видно изъ краткихъ его Записокъ, владѣлъ перомъ. Онъ писалъ и стихи съ ранней молодости, но, кажется, не печаталъ ихъ. П. Б.

предоставлено нами секундантамъ и какъ ихъ прямая обязанность состояла въ наблюденіи за ходомъ дѣла, то они и могутъ объяснить, не было ли нами отступлено отъ принятыхъ правилъ (зачеркнуты слова: «Наканунѣ дуэли Глѣбовъ мнѣ сказалъ, что pistols будутъ, по кому они принадлежали, не знаю»).

XI. По причиненіи вами выстрѣломъ Лермонтову раны, оставался ли онъ на мѣстѣ, при отъѣздѣ вашемъ въ городъ, живъ, говорилъ ли при прощаніи вамъ что-либо, или былъ въ тоже время лишенъ жизни, и въ чемъ прощаніе ваше съ нимъ заключалось?

XI. Отъ сдѣланнаго мною выстрѣла онъ упалъ и, хотя признаки жизни еще были видны въ немъ, но уже онъ не говорилъ. Я поцѣловалъ его и тотчасъ же отправился домой, полагая, что помощь можетъ еще подослѣть къ нему во время.

УШ.

С п р а в к а.

Отставной маіоръ Мартыновъ, за дуэль съ поручикомъ Лермонтовымъ, былъ преданъ военному суду, по Высочайше подтвержденной сентенціи котораго онъ приговоренъ къ трехмѣсячному аресту и потомъ къ церковному покаянію. Военный арестъ повелѣно выдержать ему на Кіевской крѣпостной гауцтвахтѣ, гдѣ онъ и содержится съ 26 Января сего *) года; а срокъ церковнаго покаянія для него предоставлено назначить Кіевской Духовной Консисторіи, которая, постановленіемъ своимъ, утвержденнымъ, за отсутствіемъ высокопреосвященнаго Филарета, архіереемъ Іереміемъ, опредѣлила ему Мартынову, для церковнаго покаянія 15-лѣтній срокъ. Покорнѣйшая просьба состоитъ въ исходатайствованіи смягченія приговора Кіевской Духовной Консисторіи, съ дозволеніемъ ему, Мартынову, во время церковнаго покаянія, имѣть жительство, гдѣ домашнія обстоятельства его того требуютъ.

ІХ.

Прошеніе Н. С. Мартынова въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, на Высочайшее имя.

За убіеніе на дуэли поручика Лермонтова я былъ преданъ военному суду и по Высочайшей Вашего Императорскаго Величества конфирмаціи посаженъ на три мѣсяца въ крѣпость, съ повелѣніемъ предать меня церковному покаянію по освобожденіи изъ подъ ареста. Кіевская Духовная Консисторія, на основаніи существующихъ правилъ

*) Т. е. 1842-го. П. Б.

о умышленныхъ убійствахъ, опредѣлила мнѣ пятнадцатилѣтній срокъ для покаянія. Не имѣя средства доказать положительно, что убійство было неумышленное, я могу однакоже представить нѣкоторыя обстоятельства изъ самаго дѣла, сообразуясь съ которыми и послѣдовалъ столь милостивое рѣшеніе Вашего Императорскаго Величества. По слѣдствію оказалось, что я былъ вынужденъ стрѣляться вызовомъ моего противника, что уже на мѣстѣ происшествія выжидалъ нѣсколько времени его выстрѣла, стоя на барьерѣ, и наконецъ, что въ самую минуту его смерти былъ возлѣ него, стараясь подать ему помощь, но, видя бесполезность моихъ усилій, простился съ нимъ, какъ должно христіанину. Взявъ во вниманіе всѣ вышеизложенныя мною обстоятельства, я всеподданнѣйше прошу, дабы повелѣно было истребовать означенное дѣло изъ Кіевской Духовной Консисторіи и, рассмотрѣвъ его, сколько возможно облегчить мою участь *). 1842 г. Августа дня. Подпись по формѣ.

В. ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ.

І. Письмо Н. С. Мартынова въ отцу своему.

Екатеринодаръ, 5 Октября (1837) г.

Не могу сдѣлать вамъ лучшаго подарка для дня вашего рожденія, милый папенька, какъ объявить вамъ, что экспедиція наша кончена. Второго періода не будетъ и, можетъ быть, на дняхъ мы будемъ отправлены обратно въ полки. Все это рѣшилъ пріѣздъ Государя. Онъ хотѣлъ сдѣлать какую нибудь милость для здѣшнихъ войскъ и не могъ лучше угадать, какъ давъ имъ отдыхъ, тѣмъ болѣе, что люди очень истощены и значительно потерпѣли въ первый періодъ. О томъ, будемъ ли мы отправлены тотчасъ или насъ прикомандируютъ на нѣсколько времени къ линейнымъ казачьимъ полкамъ, не могу вамъ сказать навѣрное: это рѣшится въ Ставрополѣ, тотчасъ по пріѣздѣ Государя. Во всякомъ случаѣ вы уже можете быть покойны на мой счетъ: я въ дѣлѣ уже больше не буду. Триста рублей, которые вы мнѣ послали чрезъ Лермонтова, получилъ; но писемъ никакихъ, потому что его обокрали въ дорогѣ, и деньги эти, вложенныя въ писемъ, также пропали; но онъ, само собою разумѣется, отдалъ мнѣ свои. Если вы помните содержаніе вашего письма, то сдѣлайте одолженіе—повторите;

*) Сколько намъ извѣстно отъ самаго Мартынова, ему все-таки пришлось прожить въ Кіевѣ на покаяніи нѣсколько лѣтъ, и онъ не могъ даже прогуливаться по Кіевскимъ окрестностямъ иначе, какъ всякій разъ съ разрѣшенія духовныхъ властей. П. Б.

также и сестеръ попросите отъ меня. Деньги я уже всё промоталъ. Приѣхавъ въ Екатеринодаръ, какъ дикій набросился на всё увеселенія; случай удобный: у насъ теперь ярмарка. И самому смѣшно! Представьте, я накопилъ себѣ картинъ, большею частью женскія головки, для того только, чтобы припомнить прошедшее и чтобы забыть эту скучную экспедицію. Увѣренъ, что придетъ время, когда буду и объ ней вспоминать съ наслажденіемъ. Но не присылайте мнѣ теперь. Если насъ скоро не распустиятъ, то я напишу вамъ объ этомъ.

Н. М.

Вся суть въ томъ, что письма отъ отца изъ Пятигорска въ экспедицію на этотъ разъ вовсе не было. По словамъ покойнаго Н. С. Мартынова, въ 1837 году (т. е. за четыре года до поединка) и мать сестры его, жившія въ Пятигорскѣ съ больнымъ отцомъ, написали ему большое письмо, которое Лермонтовъ, отъѣзжавшій въ экспедицію (гдѣ уже находился Мартыновъ), взялся доставить. Прежде чѣмъ запечатать письмо, сестры предложили отцу своему, не захочетъ ли онъ тоже написать или приписать. Тотъ взялъ пакетъ и пошелъ съ нимъ къ себѣ въ комнату, но ничего не написалъ, а только вложилъ деньги и, запечатавъ пакетъ, принесъ его назадъ для врученія Лермонтову, которому о деньгахъ ничего не было сказано. Поэтому, получивъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ, отъ сына вышенапечатанное письмо, старикъ Мартыновъ удивленъ былъ тѣми строками, въ которыхъ говорится о деньгахъ. Да почему же Лермонтовъ могъ узнать о вложеніи ихъ, тогда какъ позабыли сказать ему о томъ? Когда Мартыновъ, по возвращеніи изъ экспедиціи, въ первый разъ увидѣлся съ отцомъ своимъ, тотъ выразилъ ему свое подозрѣніе относительно Лермонтова и прибавилъ: а я совсѣмъ забылъ надписать на пакетѣ, что вложено 300 рублей. Словомъ, Мартыновы заподозрѣли Лермонтова въ любопытствѣ узнать что о немъ пишутъ; а содержаніе письма было таково, что ему изъ самолюбія не хотѣлось передать его, и онъ изобрѣлъ исторію съ ограбленіемъ (такъ чудесно потомъ воспроизведенную въ „Героѣ нашего времени“). Подозрѣніе осталось только подозрѣніемъ; но впоследствии, когда Лермонтовъ преслѣдовалъ Мартынова насмѣшками, тотъ иногда намекалъ ему о письмѣ, прибѣгая къ такимъ намекамъ, чтобы избавиться отъ его приставаній. Таковъ рассказъ Н. С. Мартынова, слышанный отъ него мною и другими лицами.

Я встрѣчался съ Н. С. Мартыновымъ въ Москвѣ у пріятеля моего М. П. Полуденскаго (женатаго на его родной племянницѣ), а потомъ посѣтилъ онъ меня по поводу появленія въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 года статьи князя Васильчикова о поединкѣ съ Лермонтовымъ. Сначала мнѣ было жутко видѣть челоуѣка,

Изъ чьей руки свинецъ смертельный
Поэту сердце растерзалъ;
Кто сей божественный фіалъ
Разрушилъ какъ сосудъ скудельный...

но, бывъ свидѣтелемъ того, какъ самъ секундантъ Лермонтова, князь Васильчиковъ, бесѣдуетъ съ нимъ, я пересталъ уклоняться отъ него, тѣмъ болѣе что онъ съ достоинствомъ переносилъ свое несчастіе и пользовался уваженіемъ своихъ знакомыхъ; близокъ же съ нимъ, какъ увѣряетъ г. Мартыновъ, я не былъ. П. Б.

II. Выдержки изъ писемъ къ Н. С. Мартынову его матери.

1.

Moscou, 25 may.

Où es-tu, mon bon et cher Nicolas? On ne parle ici que des mauvaises affaires du Caucase; mon cœur tremble pour toi, cher ami; je deviens superstitieuse plus que jamais: tous les soirs le roi de trefle sur la table, et s'il est entouré de piques, je suis au désespoir... Nous sommes encore en ville. Lermontoff est presque tous les jours chez nous. Je ne l'aime pas trop, je l'avoue: il a une langue bien méchante et malgré toute l'amitié qu'il proteste pour tes soeurs, je suis sûre qu'à la première occasion il ne les épargnera pas non plus. Ces dames se plaisent beaucoup dans sa société; grâce à Dieu, il part bientôt; ses visites ne me sont jamais agréables.

Переводъ.

Москва, 25 Мая (1837). Гдѣ ты, мой дорогой Николай? Здѣсь только и говорятъ что о неудачахъ на Кавказѣ; мое сердце трепещетъ за тебя, мой милый; я стала болѣе чѣмъ когда-либо суевѣрна: каждый вечеръ гадаю на трефового короля и прихожу въ отчаяніе, когда онъ окруженъ пиками.... Мы еще въ городѣ. Лермонтовъ у насъ чуть ли не каждый день. По правдѣ сказать, я его не особенно люблю; у него слишкомъ злой языкъ и, хотя онъ выказываетъ полную дружбу къ твоимъ сестрамъ, я увѣрена, что при первомъ случаѣ онъ не пощадитъ и ихъ; эти дамы находятъ большое удовольствіе въ его обществѣ. Слава Богу, онъ скоро уѣзжаетъ; для меня его посѣщенія всегда неприятны.

2.

Moscou, le 6 novembre 1837.

Je crains tant pour toi, mon bon ami, et ne serai heureuse et tranquille qu'à ton retour. Comme nous sommes tous désolées que nos lettres écrites par Lermontoff ne te sont point parvenues; il t'a épargné l'ouvrage de les lire: car réellement tu en aurais eu assez. Tes soeurs ont passé toute une journée à les écrire; je crois avoir dit: при сей вѣрной оказіи. Depuis cet accident je fais vœu de ne jamais écrire que par poste; du moins on est sûre de n'avoir pas été lue. La cour est ici depuis longtemps; tout le monde se prépare pour les bals et les plaisirs....

Переводъ.

Москва, 6 Ноября 1837. Я такъ тревожусь за тебя, мой добрый другъ, и буду счастлива и спокойна лишь по твоемъ возвращеніи. Какъ мы

всѣ огорчены тѣмъ, что наши письма, писанныя черезъ Лермонтова, до тебя не дошли. Онъ освободилъ тебя отъ труда ихъ прочесть, потому что въ самомъ дѣлѣ тебѣ бы пришлось читать много: твои сестры цѣлый день писали ихъ; я, кажется, сказала: „при сей вѣрной оказіи“. Послѣ этого случая даю зарокъ не писать никогда иначе, какъ по почтѣ; по крайней мѣрѣ остается увѣренность, что тебя не прочтутъ. Дворъ здѣсь уже давно; всѣ готовятся къ баламъ и веселостямъ...

Послѣсловіе.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1892 г. появилось повѣствованіе г. Мартынова о послѣднихъ дняхъ жизни М. Ю. Лермонтова. Много, очень много было писано о причинахъ этого злосчастнаго поединка; но г. Мартынову захотѣлось придать дѣлу еще особую окраску. Онъ прямо обвиняетъ не только Мартынова, но и князя Александра Иларіоновича Васильчикова въ преднамѣренномъ убійствѣ Лермонтова...

Меня, признаюсь, поразили тогда же тонъ и безцеремонный пріемъ челоуѣка, пишущаго подобное обвиненіе чрезъ полувѣка послѣ происшествія, о людяхъ, ему совершенно незнакомыхъ, и при томъ по справкамъ, собраннымъ во время отъ 30 до 50 лѣтъ послѣ поединка: ибо г. Мартыновъ самъ говоритъ, что былъ впервые въ Пятигорскѣ въ семидесятыхъ годахъ... Чтò могъ онъ тогда и отъ кого узнать? Ближайшій свидѣтель, старикъ Чилевъ, бывшій комендантъ Пятигорска, очень вѣрно отвѣчалъ на сдѣланные ему г. Мартыновымъ вопросы, что *ничего не помнитъ* и за давностью *все забылъ*.

Прочтя часть сказаній г. Мартынова, я тогда же изложилъ въ нѣсколькихъ словахъ, помѣщенныхъ въ «Новомъ Времени», причины поединка, какъ я ихъ слышалъ въ нашей семьѣ (родной мой дядя, А. И. Бибиковъ былъ близокъ съ Лермонтовымъ, а сестры Мартынова были дружны съ моею матерью). Г. Мартыновъ, отвѣчалъ мнѣ весьма рѣзко. Тогда я отправился къ сыну покойнаго Н. С. Мартынова, который очень любезно сообщилъ мнѣ нѣсколько писемъ и записокъ, сохранившихся въ бумагахъ послѣ отца его; эти-то бумаги и помѣщены выше.

Разумѣется, я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія въ чемъ либо унижать нашего великаго поэта, котораго ничто не можетъ низвести съ того пьедестала, на который поставленъ онъ гениальнымъ своимъ дарованіемъ. Единственною цѣлью моихъ двухъ статей въ «Новомъ Вре-

мени», въ 1892 г., было защититъ отъ незаслуженныхъ нареканій личность князя А. И. Васильчикова, извѣстнаго всей Россіи дѣятеля, который пользовался во всю жизнь свою вполне заслуженнымъ уваженіемъ соотечественниковъ. Роль, которую совершенно произвольно даетъ г. Мартыановъ князю Васильчикову, ни въ чемъ не подтверждается—*нидѣ!* Общественное мнѣніе, которое не простило П. С. Мартынову роковой его пули, никогда не винило ни въ чемъ князя Васильчикова; да и въ слѣдственномъ дѣлѣ нѣтъ слѣдовъ той преднамѣренности, о которой все время намекаетъ г. Мартыановъ, изображая князя «Ксандра» (такъ фамильярно зоветъ онъ князя Васильчикова) іезуитомъ и лицомъ, которое подкапывалось подъ Лермонтова изъ зависти къ славіи поэта. Г. Мартыановъ просто клеветецъ. Къ тому же онъ до того мало знакомъ съ дѣломъ, что все время говоритъ о князѣ Васильчиковѣ, какъ о секундантѣ Мартынова, передаетъ разговоръ Лермонтова съ его якобы секундантомъ Глѣбовымъ, и т. д., тогда какъ князь *Васильчиковъ былъ секундантомъ именно Лермонтова, а Глѣбовъ — Мартынова.* Секундантомъ избираютъ обыкновенно лицо, имѣющее репутацію высокой чести. Неужели Лермонтовъ, столь щепетильный въ вопросахъ чести, избралъ бы себѣ секундантомъ князя Васильчикова, если-бъ сколько нибудь сомнѣвался въ его прямотѣ и благородствѣ? И неужели князь Васильчиковъ пошелъ бы въ секунданты къ поэту, если бы принадлежалъ къ числу людей, ненавидѣвшихъ Лермонтова и искавшихъ его гибели? Вся жизнь князя Александра Иларіоновича порукой, что никогда ничего подобнаго не могло быть. Повѣствованіе г. Мартыанова дышетъ какимъ-то озлобленіемъ противъ князя Васильчикова, такъ что прямо можно думать, что авторъ имѣетъ личности къ князю, который, между тѣмъ, былъ близокъ къ Лермонтову и напечаталъ, въ свою очередь, въ «Русскомъ Архивѣ» обстоятельную статью о поединкѣ Лермонтова. Ему и не снилось, думаю, что найдется человекъ, который черезъ 50 лѣтъ, его, беззавѣтнаго рыцаря чести, заподозритъ въ такой низости, какъ преднамѣренное натравливаніе на Лермонтова, кончившееся смертью поэта.

Свѣдѣнія о поединкѣ и причинахъ его я получилъ въ нашей семьѣ. Въ помѣщенныхъ выше Запискахъ самаго Н. С. Мартынова (не конченныхъ къ сожалѣнію), онъ, конечно, не говоритъ, что Лермонтовъ компрометировалъ его сестеръ. Письма же матери Н. С. Мартынова ясно указываютъ на то, что письмо или пакетъ его сестеръ, порученный Лермонтову для доставленія Н. С. Мартынову, былъ вскрытъ Лермонтовымъ. Но такъ какъ времени между исторіею писемъ

и поединкомъ прошло много, то, быть можетъ, были еще и другія причины. Несомнѣнно, что Лермонтовъ былъ увлеченъ Натальею Соломоновою Мартыновою (впоследствии замужемъ за графомъ Латурдоине): она была собою красавица, ей было 24 года въ 1841 году (хотя г. Мартыановъ называетъ ее перерзѣлой дѣвой, по неизвѣстно откуда добытымъ свѣдѣніямъ) и ей, въ свою очередь, конечно, правился поэтъ. Опять таки я нисколько не имѣю въ виду бросать какое бы то ни было обвиненіе на Лермонтова; мнѣ хотѣлось бы только болѣе пролить свѣта на это несчастное для всей Россіи событіе и указать, что во всякомъ случаѣ не было преднамѣренности ни со стороны Н. С. Мартынова, ни секундантовъ, Глѣбова и князя Васильчикова. Они все были друзьями, а не врагами Лермонтова.

Изъ вопросныхъ пунктовъ Слѣдств. Комиссіи и Окружнаго Суда и отвѣтовъ видно, *кто у кого* былъ секундантомъ. Изъ письма же Глѣбова къ Мартынову мы видимъ еще, что Глѣбовъ указываетъ прямо, что Мартыновъ не умѣлъ стрѣлять: онъ третій разъ въ жизни держалъ въ рукахъ пистолеть, и видимо было его желаніе не поцастъ въ Лермонтова. Наконецъ, ясно еще, что Мартыновъ считалъ себя вызваннымъ Лермонтовымъ. Жаль, что Н. С. Мартыновъ не окончилъ своихъ Записокъ. Видно, какъ тяжело было ему обращаться къ воспоминаніямъ и думать объ ужасной драмѣ. Но какъ ни отрывочны оставшіяся послѣ него бумаги, онѣ драгоцѣнны.

Повторю то, что было сообщено мною въ «Новомъ Времени».

Лермонтовъ былъ товарищемъ по Юнкерской Школѣ дядѣ моему Александру Ивановичу Бибикову, родному брату моей матери. Стихотворенія Лермонтова, до появленія ихъ въ печати, бывали въ рукахъ сестеръ Александра Ивановича Бибикова, т. е. моей матери и моей тетки Е. И. Раевской. По этому все, касающееся Лермонтова, было близко извѣстно у насъ въ домѣ.

Вотъ что у меня осталось въ памяти изъ рассказовъ дяди Бибикова. Сколько я могу себя составить понятіе изо всего мною слышаннаго, причины поединка Лермонтова съ Мартыновымъ были не исключительно тѣ, которыя обыкновенно указываются во всѣхъ біографіяхъ Лермонтова. Самъ Николай Соломоновичъ Мартыновъ, лично мнѣ знакомый, не говорилъ о томъ. Гибель Лермонтова, повидимому,

наложила тяжелое бремя на всю жизнь его, такъ что разспрашивать его я никогда не рѣшался. Но отъ А. И. Бибикова сохранился слѣдующій рассказъ.

Никому небезъизвѣстно, что у Лермонтова въ сущности былъ пренесносный характеръ, неуживчивый, задорный, а между тѣмъ его талантъ привлекалъ къ нему поклонниковъ и поклонницъ. Неравнодушна къ Лермонтову была и сестра Н. С. Мартынова, Наталья Соломоновна. Говорятъ, что и Лермонтовъ былъ влюбленъ и сильно ухаживалъ за нею, а быть можетъ и прикидывался влюбленнымъ. Последнее скорѣе: ибо, когда Лермонтовъ уѣзжалъ изъ Москвы на Кавказъ, то взволнованная Н. С. Мартынова провожала его до лѣстницы: Лермонтовъ вдругъ обернулся, громко захохоталъ ей въ лицо и сбѣжалъ съ лѣстницы, оставивъ въ недоумѣніи провожавшую.

Въ 1837 году, уѣзжавшему изъ Пятигорска въ экспедицію Лермонтову сестры Мартынова поручили передать брату, Николаю Соломоновичу, письмо, не то цѣлый пакетъ со своимъ дневникомъ. Въ тотъ же пакетъ были вложены триста рублей ассигнаціями, о чемъ Лермонтовъ ничего не зналъ. По словамъ однихъ, Лермонтову былъ врученъ пакетъ съ намекомъ прочесть этотъ дневникъ; по словамъ другихъ, Лермонтовъ не имѣлъ права распечатывать это письмо. Какъ бы то ни было, случилось именно то, что Лермонтовъ, побуждаемый любопытствомъ, распечаталъ пакетъ, чтобы прочесть дневникъ. Найдя въ пакетѣ триста рублей, онъ передалъ ихъ Н. С. Мартынову, но умолчалъ о дневникѣ и сказалъ лишь, что у него украли чемоданъ дорогою. Николай Соломоновичъ долго не соглашался взять триста рублей, говоря, что разъ деньги украдены, то съ какой стати Лермонтову ихъ возвращать; только послѣ долгихъ увѣщаній Мартыновъ взялъ эти триста рублей.

По прошествіи нѣкотораго времени, сестры писали Мартынову, спрашивая его о своемъ дневникѣ. На это братъ отвѣчалъ, что никакихъ ни письма, ни дневника онъ не получалъ, но 300 р. денегъ получилъ отъ Лермонтова. Тогда сестры Мартынова вновь поручили брату узнать объ участи дневника, указывая на то, что Лермонтовъ не зналъ о вложенныхъ деньгахъ. Такимъ образомъ обнаружилось, что Лермонтовъ распечаталъ письмо Натальи Соломоновны Мартыновой къ ея брату. Изъ за этого и произошла ссора, такъ какъ Мартыновъ имѣлъ полное основаніе упрекать Лермонтова. Ссора же на вечерѣ у Верзилиныхъ была, по всему вѣроятію, ничто иное, какъ

предлогъ къ поединку, уже ранѣе рѣшенному. Къ шуткамъ Лермонтова Мартыновъ относился сперва добродушно, привыкнувъ къ нимъ; но потомъ это ему видимо надоѣло. Злой рокъ рѣшилъ иначе, и безъ прицѣла пущенная пуля угодила въ поэта. Вѣрнѣе еще, что самъ Лермонтовъ, чувствуя себя виновнымъ предъ Мартыновымъ, хотѣлъ искупить вину свою поединкомъ.

Что сестры Мартынова, какъ и многія тогда дѣвицы, были подѣ впечатлѣніемъ и обаяніемъ таланта Лермонтова, неудивительно и очень было извѣстно. Вернувшись съ Кавказа, Наталья Соломоновна бредила Лермонтовымъ и рассказывала, что она изображена въ «Героѣ нашего времени». Одной нашей знакомой она показывала красную шаль, говоря, что ее Лермонтовъ очень любилъ. Она не знала, что «Героя нашего времени» уже многіе читали и что «пунцовый платокъ» помянуть въ немъ совершенно по другому поводу.

Николай Соломоновичъ, по утверженію многихъ, очень мучился смертью Лермонтова. Говорили, что, въ годовщину смерти поэта онъ постоянно запирался въ своемъ кабинетѣ...

Князь Д. Оболенскій.

ЗАПИСКА О ПРОТИВОХОЛЕРНОМЪ ЭЛЕКСИРѢ.

Нижепомѣщенная записка объ „элексирѣ“ найдена въ бумагахъ, относящихся до дѣятельности министра внутреннихъ дѣлъ графа А. А. Закревскаго во время борьбы его съ первою холерой 1830—1831 годовъ. П. Б.

*

Составъ оказываетъ великую пользу въ существующей нынѣ *повальной болѣзни*. Извѣстенъ элексиръ сей между простолюдинами, какъ вѣрнѣйшее лѣкарство отъ болѣзни, *внутренняя Сибирка* называемой.

Взять нашатырю.....	2	золотника.
Канфоры.....	2	„
Острой водки.....	2	„
Нести.....	2	„
Скипидару.....	2	„
Стручковаго перцу.....	2	стручка.
Ренскаго укусу.....	1	стаканъ.
Пѣннаго вина.....	1	штофъ.